

Андрей Драгунов

Где-то здесь

избранные стихотворения
из трёх книг

Андрей Драгунов

**Где-то здесь. Избранные
стихотворения из трёх книг**

«Издательские решения»

Драгунов А.

Где-то здесь. Избранные стихотворения из трёх книг /
А. Драгунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902830-3

Благодаря помощи и поддержке Евгения Примакова и Русской гуманитарной миссии жизнь моя продолжается. Продолжаются стихи.

ISBN 978-5-44-902830-3

© Драгунов А.
© Издательские решения

Содержание

Где-то здесь	6
«Пока ещё чернеет словом лист...»	6
«Когда и листья закончились – голый лес...»	7
«Как листва стекается с мусором в водосток ...»	8
Вещь	9
«Выходя из дома, теряешь опору. Стенку...»	10
Памятка	11
Из записок путешественника	12
«Восточный ветер приглушает звук...»	14
«...и вся вина твоя, что ты прожил...»	15
«И вода всё та же, но сколько воды утекло...»	16
Только что... рядом	17
«Театр многоярусный – есть Рай...»	18
Отъезд	19
«Созревший виноград – для птиц награда...»	20
«У осени ни времени, ни сил ...»	21
«Уходит время, будто в облака...»	23
«Взгляд на поверхности письменного стола...»	24
«С книжной полки, ладонью стирая пыль...»	25
«Толи музыка кончилась, толи выключили репродуктор...»	26
«Спустя девяносто лет, не спрашивают о любви ...»	27
Оставленная земля	28
«Пригород – это, где поворот с дороги...»	28
«Всё равно ты забудешь, когда я уеду, меня ...»	29
«Много лет прошло с того времени, как переехал...»	30
«Посажен в кресло для передвиженья...»	31
«Пробуждение – каждый раз возвращение к жизни ...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Где-то здесь

Избранные стихотворения из трёх книг

Андрей Драгунов

© Андрей Драгунов, 2018

ISBN 978-5-4490-2830-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где-то здесь

«Пока ещё чернеет словом лист...»

Пока ещё чернеет словом лист
и лампочка горит, пылью наморщась —
от мотылька – наивный оптимист,
желающий согреться... Где-то площадь
ещё шумит и музыка без нот
из репродуктора моё терзает ухо —
пока ещё... фонтан смывает пот
с брусчатки площади. Какая-то старуха
бутылки собирает из бачков,
остатки пирожков себе на ужин —
начало века... видимо таков
удел того, кто никому не нужен,
по крайней мере в данный день и час.
Синоптик обещает потепление —
ещё... и мотылёк согреется как раз —
последний раз, под утро в понедельник.

октябрь 21. 2014 год.

«Когда и листья закончились – голый лес...»

Когда и листья закончились – голый лес
стал почти забором. «Ау» пропадает в ветках,
не найдя адресата... кого-нибудь вообще,
кто ещё различаем в древесных сухих отметках,
как какой-нибудь, скомканный ветром, сушёный лист —
разотрёшь в ладони – останется только мусор —
ничего из того, что было – так пианист
разбирает ноты в клавишах. Савик Шустер
разбирает буквы, вдавленные в эфир,
но слова стекают, как мальчик по белой простыне...
не помогает, даже, тёплый в углу сортир —
важная вещь, особенно, поздней осенью,
а зимой – тем более. На сколько хватает рук —
потянуть за ветку, чтоб, как пером, по луже
расписаться, комкая дрожащий, неровный звук,
будто бы лужа, точно, как я – простужена...
и не спешит согреться под коркой льда,
чтобы дожить до первого потепления...
Деревья, совсем пустые, сквозь облака
пропускают небо в лужу – без сожаления.

октябрь 22. 2014 год.

«Как листва стекается с мусором в водосток ...»

Как листва стекается с мусором в водосток —
утекает прошлое, выжатое из камня —
до последней капли – Создатель не слишком строг
в выборе методов – всё убежит до капли
из последней струйки, что, как по щеке слеза —
на рукава рубашки в большую клетку,
смяв за собой ресницы, вообще глаза,
как уже ненужную в пейзаже – вообще – отметку.
И мокрые пальцы, сжимая в кулак листву,
как холодные ветки, надеются не замёрзнуть
с наступлением холода, что ближе всегда к концу,
по крайней мере – года... тем паче к звёздам.
Но терзает память, оставшаяся не у дел,
потому что бумага терпит, но не погода —
осень кончается, снег у подъезда сел,
как с пирожками школьники – не удобно
для проживающих, как на траве дрова,
смяв под собой оставшуюся природу,
т.е. тычинки, пестики, чьи права
и без того нарушены огородом,
что как последняя радость для этих мест,
тем более осенью, когда урожай в подвалах...
если останется что-то, что мышь не съест,
то до весны сохранится под одеялом.

октябрь 22. 2014 год

Вещь

Вот и ты состарилась рядом со мной,
пепельница, купленная на распродаже,
из какого-то старого дерева, с чешуёй,
как у ящерицы, или у рыбы, даже.
Но поскольку и ты состарилась, как и я —
не имеет значения — что видишь перед собою —
долгие годы ты выручаешь меня...
Не представляю — как жил бы с такой другою.

октябрь 24. 2014 год.

«Выходя из дома, теряешь опору. Стенку...»

Выходя из дома, теряешь опору. Стенку,
так как не знаешь когда случится обратно...
Термометр бьётся в минусовую отметку,
отмеряя уже не градусы – срок, вероятно.
И слова замерзают на выдохе, как при испуге,
точно зная количество смёрзшихся капель —
до последней, поскольку никто в округе
не способен вычислить... да и зачем им, кстати,
все эти вычислы, теряя в чернилах время —
вспомнишь однажды – считай выходной потерял...
глянешь в окно, где листья в следах старенья —
это единственное, в чём можешь быть точно уверен —
и прошло пол жизни, как будто бы время года,
смяв за собой пейзаж, как ночные простыни —
от греха подальше, чтобы в момент ухода
ничего не портило картину цветастой осени,
или зимы, тем паче, с её безличием,
что, как пустое зеркало – выцветает
с наступлением сумерек... и мается безразличием
к происходящему, к тому, что вот-вот растает
и сольётся с облаком, что, как и ты – из дома,
в птичье пространство, что, как всегда – на убыль —
за горизонт, где в звучных раскатах грома
происходит всё то, что позже пойдёт на уголь.

октябрь 25. 2014 год

Памятка

У комнаты есть граница, за которой ничто. Пустырь,
то есть почти что облако, трущееся о небо,
как о штанину боком, вытертым, поводырь,
переходя дорогу туда, где ни разу не был.
Но покидая комнату, без веских на то причин,
переходя предел, к которому был приколот —
находишь, увы, не облако, а несколько крепких мужчин,
что объяснят доходчиво, как был этот мир расколот —
с помощью крепких рук, с уликами и примером...
и никого вокруг — ты оказался первым.
И, оставляя комнату, не оставляй следов,
чтобы никто из нынешних не перешёл границу,
надеясь в чужом пространстве на выгоду и улов —
а это всего лишь только — исписанные страницы.

октябрь 27. 2014 год.

Из записок путешественника

...и лодка ткнулась в камень мостовой,
поскольку та переходила в воду
от дома у воды. Я сам не свой
ступил на берег и обрёл свободу,
по крайней мере – землю под ногой.

Погода, как всегда в морских краях —
не лучше и не хуже – ровно сыро,
но лучше, чем в исхоженных морях,
когда за бортом скомкано полмира —
в остатках рыбы или в якорях.

Число строений здесь, на берегу —
не спорящих с величием канала —
пять или шесть, включая ту трубу,
что подаёт тепло под одеяло...
и прочую земную ерунду.

Кантора, что зарплату выдаёт
за сельдь из банки,пряного посола,
стена к стене стоит – за ней завод,
где рыбка та, не избежав улова,
становится закуской в Новый год.

Хорошая дорога, почта склад,
откуда расплываются товары:
шелка; посуда; рыба – всё подряд —
лишь бы остаться с выгодным наваром
и, по возможности – был покупатель рад.

За складом, сразу, автомагазин,
хотя здесь – ни дорог, ни направлений —
кругом вода, а в лампах керосин...
Велосипед, от неременной лени —
весь транспорт, но не требует бензин

и смены масла... Почта и сбербанк
на площади – ещё из прошлой жизни —
с колоннами, с гербами разных стран —
но вытерлись и собственностью пыли
с годами стали. И еще фонтан.

Конечно церковь с нищим у дверей —
он в прошлом, как сказали, был матросом,
но судно сгинуло и он с тех самых дней

«стреляет» у прохожих папиросы
и сторожит... оставленных детей.

Велосипед скучает у кафе...
Сюда не забредают офицеры
в просоленных, измятых галифе...
У барышень другие кавалеры
и помыслы... конечно, под шафэ —

майор ещё не значит – генерал —
что толку в переездах и скандалах...
Сбежать от сюда – каждый бы желал,
чтоб не искать трубу под одеялом —
но не на столько, чтоб идти в подвал...

куда-нибудь ещё, где сладок хлеб,
но не единым... Без любви – увольте!
И здесь найдётся женщине ночлег —
без выкрутасов – Можно ли, позвольте...
Без шарканья подошвой о паркет.

На почте из приезжих суета —
открытка с адресом – вся радость очевидца,
что посетил далёкие места —
без конвоира и не, как убийца...
И совесть тоже, в общем-то, чиста.

Число людей – стремительно – к нулю —
убрать приезжих – будет мёртвый город.
Из местных – только нищий, что свою
твердит молитву, поднимая ворот
ч порывом ветра, резким к ноябрю.

Когда сзывает с пристани гудок,
толпа приезжих стайкой до причала...
Открытки с видами, утопанный песок
на башмаках... тепло под одеялом —
в каюте, где забыться на часок.

Испить баклажку крепкого вина,
забыть, что видел и домой вернуться...
И только в небе полная луна,
к которой никогда не прикоснуться,
напоминает – жизнь не так длинна.

октябрь 27. 2014 год.

«Восточный ветер приглушает звук...»

Восточный ветер приглушает звук,
спешащего последнего трамвая,
звнящего на стыках – Тук-тук-тук,
но нотный стан почти не различаем,
засыпанный последнею листвою,
как и положено в такое время года —
развеется потом, сама собой —
на то она, как сказано – природа.
Останется немного до весны —
на корм цветам газонным вдоль дороги.
Ну а пока – размоченные сны
под коркой снега, что терзает ноги
своим присутствием, увы – не среди нот,
а лишь под каблуком – и тем довольна —
от маленьких, казалось бы щедрот —
дожить до потепления достойно —
не слиться с мусором в канаву до тепла,
до срока, т.е. в тёплый понедельник.
Трамвай спешит подальше со двора,
от остановки, как простой бездельник,
сбивая колесом с «железки» снег
ещё не прочный, но вполне липучий
ко всем предметам... Смех летит сквозь снег...
На стыках – Тук-тук-тук – на всякий случай.

октябрь 27. 2014 год.

«...и вся вина твоя, что ты прожил...»

...и вся вина твоя, что ты прожил
пол жизни на Чайковского, у «Дружбы» —
теперь где ЗАГС. Лишь сквер остался жив,
фонтан засох и никому не нужен.
Ты слишком много помнишь из того,
что помнят лишь деревья с фонарями,
которые стоят без ламп давно,
без мотыльков, но с белыми следами
от голубей, которым всё равно —
вся эта жизнь, Чайковский и другие —
вон старый вяз – обычное бревно
после распила, как чужое имя,
услышанное ранее тобой,
когда ещё названия вспоминали
на раз-два-три, как ноты под рукой...
и песенку про дружбу напевали...
и память длилась, как в реке вода,
неспешная вода – из речки в море —
доступная для зрения игра —
воды, песка и ветра на просторе...
И медленная музыка звучит
почти не слышно, будто ниоткуда...
и только голова болит. Болит —
что в жизни не случилось даже чуда.

октябрь 28. 2014 год.

«И вода всё та же, но сколько воды утекло...»

И вода всё та же, но сколько воды утекло,
пока лодка стучалась в пристань и скрипело весло
в уключине, будто перебивая волну
с её тихим шёпотом, вторгшимся в тишину,
как вторгается Мавр в спальню, шепча – Люблю,
убивая потом в объятьях любовь свою,
как ненужную вещь... Шевельнёшь волну
пальцами – испугавшись, бежит в глубину,
то есть туда, где потом и прячет свои мечты,
в которых песок – обязательно, но никак не ты.

октябрь 28. 2014 год.

Только что... рядом

И Ангел знал всё с самого начала —
чем всё кончается, но теребил перо,
куда-то подгонял. В глухих подвалах
холодной осенью укутывал крылом,
чтоб не замёрз до времени, до срока
и чтоб страница не была пуста,
чтобы история не выходила боком —
чернилами – не ягодкой с куста
на мёрзлый чернозём, червям на радость,
снежинкам на прокорм зимой в ночи...
Когда и Ангел спит, и сердце сжалось —
от холода – перо ещё скрипит.

октябрь 28. 2014 год.

«Театр многоярусный – есть Рай...»

Театр многоярусный – есть Рай,
по крайней мере, точно, для поэта
с построчной жизнью, где из края в край
слоняется душа, ища ответа...
но находя лишь зыбкие черты
в исписанных листах, воспоминанья...
и что-то, что не видно с высоты,
а лишь вблизи, но тоже без названья,
без имени... и лиц не разобрать,
слоняясь за душой в пространстве Рая,
среди других, таких же... и узнать
кого-то – времени – при жизни – не хватает.

октябрь 29. 2014 год.

Отъезд

Игорю Кучину

Переезд с каждым разом даётся трудней. Сложней.
Выберешь место – его уже кто-то занял —
опоздал с отъездом – всего на несколько дней —
не то чтобы лень – так, завозился с вещами...
а билет на поезд действителен только раз —
не успел к отправке – вокзал тебя точно примет
и согреет скамейкой, сделанной на заказ —
к юбилею города, чьё трижды менялось имя...
и в другую сторону свезёт именной состав,
куда есть билеты в наличие, без доплаты,
предоставив купе на сутки, как батискаф
в мутной водичке, где лица всегда измяты
на конечной станции, где точно, никто не ждёт —
разве что – погода очередную жертву,
обозначив границы снегом, что не сойдёт,
что вполне естественно – по местным меркам.
Но приезжий топчет ботинком чужой ламинат
и цепляет взглядом балконы, колонны, арки,
что обычно утром, тупо ещё, молчат,
как разбитая чашка, с вечера, в мусорном баке,
и тревожит, разве что, память того, кто спит...
Ты же, своим ботинком втоптав окурок
в мостовую столицы, как истинный индивид,
мнишь себя победителем, как на Балканах турок.
Но впиваясь ногой в чужой для тебя пейзаж,
тыча пальцем в небо, где этажи построек
подпирают облако, испытываешь кураж
от веселья – чувствуешь – не достоин
архитектор, колонны чьи украшают пляж —
нынче пляж, а ранее площадь града —
не того, что портит теперь подъездной пейзаж,
а того, что ближе к царю и с народом рядом...
что не мучит глаз и облако не тербит —
островерхой башней, цепляясь за небо крышей,
что в холодной капле, как будто в слезе блестит —
толи это солнце... толи еще что-то выше...
И глядишь на это, как будто последний раз,
собирая мелочь на пирожок с картошкой,
на билет обратно, туда, где тепло сейчас
и никто не скажет, что ты здесь чужой... немножко.

октябрь 30. 2014 год.

«Созревший виноград – для птиц награда...»

Созревший виноград – для птиц награда
за ожидание, за непомерный зной
в июле, августе, когда из-за ограда
торчит листва – замёрзшая зимой...
и ягоды наполненные зреют,
как в бочках старых новое вино,
которое, увы, не постареет
и будет выпито гостями всё равно —
на юбилей, на новый год, на праздник
какой-нибудь вообще... и просто так —
в какой-то день пустой, однообразный,
как раньше в автомате – за пятак.
И ягоды ладони согревают
своим теплом, как птицам голоса,
и капельки сквозь пальцы протекают
в траву, на землю, чтобы, как роса,
остаться до утра... и новым утром
почти вином увидеть белый свет —
последний раз, как будто бы. Как будто
весны не будет и спасенья нет.

октябрь 30. 2014 год.

«У осени ни времени, ни сил ...»

У осени ни времени, ни сил —
сбивать листву, оставшуюся, с вязов,
сметать с дорожек лиственный настил,
что никому до снега не обязан
быть убранным... и не дрожит рука
в перечислении, и клетчатой не жалко
бумаги, что не вытерлась пока
под пятернёй, как камни на Сан-Марко,
где голуби перебирают хлеб,
накрошенный... и лев читает книгу,
известную уже две тыщи лет,
кроит словарь, как некую интригу...
и всё пытается куда-то улететь...
исчезнуть, согнуть с мраморной колонны,
чтоб на туристов больше не смотреть
с косыми взглядами, что выглядят не скромно
среди других, живущих тут людей.
Откроешь рот, а вылетает птичка —
фотограф деньги «рубит» без затей —
быстрее, чем даже догорает спичка,
или сметают с площади листву.
Погода «шепчет» — наливай и выпей,
чтоб не замёрзнуть — граппы — на ветру,
у «Флориана» — вечная обитель
скитальцев всех... Уже немало лет
прошло с тех пор, как я кормил пернатых,
но осень, всё же, требует ответ —
кто, всё-таки, остался виноватым —
Отелло, или блудная жена? —
лев точно знает, но его не спросишь.
Водичка размывает имена...
кто в чём повинен — ветерок относит
подальше в гавань — к мёртвым — наугад —
среди камней, назначенное имя —
найдётся точно. Ветер без преград
листвой засыплет, обойдя другие,
и будет точно знать — кто где лежит
в объятиях водички чужеземной,
под камушком, что точно сохранит —
за мизерную плату — непременно,
когда за смертью не кончается ничто...
и голуби выклёвывают мякиш
столичной булки, «птичье молоко»
вываливая на руки смотрящих.

октябрь 31. 2014 год.

«Уходит время, будто в облака...»

Уходит время, будто в облака
луна уходит и оттуда светит
небрежным светом, как фонарь, пока
погода позволяет... но в конверте
уже листок с назначенным числом —
который год чернила «греют» дату —
отсутствия. И мысли о былом —
в перечислении – ни в чём не виноваты,
как и чернильница в отсутствии чернил —
бумага терпит, а перо пророчит...
Наличие в окне цветных картин —
бумаге добавляет лишних строчек
и впечатлений, а уже ноябрь —
должно быть холодно, но солнце пригревает
и птичья стая метит календарь
присутствием... и облако не тает.

ноябрь 1. 2014 год.

«Взгляд на поверхности письменного стола...»

Взгляд на поверхности письменного стола,
как в раскопах памяти, выискивает морщины —
доказательства, то есть жизни, где все слова
на бумаге, по крайней мере, пока что живы.
И в ложбинках дерева, как в вывертах из земли,
что сравнима, разве что, только с водой забортной,
что берёшь рукой, как многие не смогли —
проступает кровь, отпущенная аортой...
и бурлит, и пенится. Стол сохраняет вид
непреступной крепости, хранит, как перо чернила,
свои трещины... и, кажется, говорит,
как чернила – буквами, что плоскость не сохранила
из-за того, что строчки бегут. Бегут,
сохраняясь, разве что, в памяти – не на долго...
да ещё в испачканных пальцах, что берегут —
в папиллярных линиях чувства – почти что долга.

ноябрь 1. 2014 год.

«С книжной полки, ладонью стирая пыль...»

С книжной полки, ладонью стирая пыль,
перебираю названия в переплётах,
как пустыми фарами утренний автомобиль
ранних прохожих, знакомых, или кого там...
Разыскать пытаюсь старый уже сюжет,
или, хотя бы, автора – того, чьё имя
долгие годы давало на всё ответ,
но куда-то скрылось... записанное другими...
и на книжной полке спрятано – в закрома
и хранимо жизнью самой, как на всякий случай,
под тяжёлой пылью, где медленные слова
обрастают кожей, такой же, как смысл – тягучей,
но вполне послушной под пальцами теплых рук...
Пыль слетает с полок, теряясь в пустой квартире,
среди редкой утвари, как солнечный зыбкий круг —
в отражении, т.е. как автор – искомый – в пыли.

ноябрь 1. 2014 год.

«Толи музыка кончилась, толи выключили репродуктор...»

Толи музыка кончилась, толи выключили репродуктор,
что сплошные сутки рассказывает про искусство,
про любовь к природе под гимн очень рано утром,
выжимая слезу, как из девочки ночью чувства,
как что-то большее, пуговицу грея в пальцах...
тихо вдруг, как будто палач секиру
приготовил... как бабушка нитки, чтоб шить на пяльцах,
пока ещё кто-то не оживил квартиру
шарканьем тапок. Кот шепелявит «Мяу»,
как заклинание, сбиваясь на рыбный завтрак —
минтай или хек обрадуют вдруг слюнявым
вкусом во рту — рано утром, как гимн — внезапно...
но слова разбегаются, как из-под обоев мыши.
Ноты, тем более, шумным неровным строем,
разбредаются — всё выше, всё выше... Выше —
даже если музыка кончилась и инструмент расстроен.
И репродуктор хрипит, как больной в угаре —
антибиотики лишь продлевают участь —
ноты сыпятся вслед за словами — в паре,
будто танцоры, что на паркете мучаются,
разбивая в кровь невидимые мозоли...
Репродуктор гимн выдаёт, не скупясь на радость.
Слушаешь этот бред и твердишь — До коле...
в календаре отмечая — сколько ещё осталось.

ноябрь 2. 2014 год.

«Спустя девяносто лет, не спрашивают о любви ...»

Спустя девяносто лет, не спрашивают о любви —
максиму — о погоде, или что ел на завтрак
стёсанными зубами — о чёрные сухари...
вкус чей когда-то был непомерно сладок.
«Хотя не имеет смысла — деревья ещё растут...» —
глянешь в окно и видишь как умирает осень —
высушенной листвою — по улице там и тут —
мелкой монетой, что в шапку прохожий бросит...
или отнимет собранное на пропой,
ну и на хлеб, конечно, с кусочком сыра
«городского» плавленого, с расплавленной слезой,
где приглядеться — увидишь почти пол мира,
или себя спустя девяносто лет...
в рваных брюках с потерянными зубами
в ящичке тумбочки... с тем, чего больше нет...
с узелками, завязанными на память,
чтобы ничто не сгнуло просто так
в наслоениях пыли, в дырявых, увы, карманах,
как вчера, с листвою, потерянный «четвертак»...
Долго хранился — а сгинул в помойной яме.

ноябрь 2. 2014 год.

Оставленная земля

«Пригород – это, где поворот с дороги...»

Пригород – это, где поворот с дороги
упирается в кладбище, где птицы живут, как дома,
не смотря ни на что – вороны, стрижи, сороки
и, даже, голуби, с кем по прошлой жизни еще знакомы.
Пригород – это кусок земли, не заросший жизнью —
только смотритель кладбища и собаки —
те, что ушли из города и забыли —
как это жить при доме, а не в овраге...
Пригород – это земля от других – на память,
чтобы доподлинно знали – откуда город
и как это было раньше – двумя веками —
еще без названия и, даже, еще без рода,
то есть, когда дороги – сквозь пыль и камень —
по направлению ветра... Трава – по пояс —
тронешь её и кажется, что руками
трогаешь жизнь – свою и... чужую, то есть.
Пригород – это неспешная жизнь по кругу —
точно шаг в сторону – и ты на другой планете...
Где даже собаки знают в лицо друг друга —
и их не боятся ни старики, ни дети.
Эта земля ещё помнит и свист, и топот,
или, как трактор последнюю снёс избушку,
а тракторист обливался холодным потом,
вспоминая свою деревню и мать старушку.
Пригород – это бессрочная память детства,
где никакая ржа – не разъест карманы,
где только пыль, доставшаяся в наследство —
всё сохраняет, прикрывшись сухим бурьяном.

август 6. 2015 год.

«Всё равно ты забудешь, когда я уеду, меня ...»

Всё равно ты забудешь, когда я уеду, меня —
так пусть остаётся листок пожелтевшей бумаги
в стандартном конверте, как памятка — после огня —
в виде холодного пепла в бездонном овраге
там, где теряются мысли, слова и мечты...
Там, где течение времени слишком условно —
не как в стеклянных часах — так забудь про часы
и пусть весь песок высыпается в воду покорно —
прямо из колбы, в которой ни верха, ни дна —
мелкие крошки еще не разбавленной сути —
временем, как на бумаге — в конце — имена,
изображения чьи — потерялись. Забудьте! —
так как достаточно слов в почтальонском мешке
для отправления... да и для памяти — хватит,
чтобы песок не растаял в горячей реке —
вниз по течению, или под старой кроватью,
ссыпавшись горкой, как будто бы пепел в конце
перегорания дров и последней страницы —
из неотправленных писем... С надеждой в лице —
больше никто, никогда, никому — не приснится.

август 6. 2015 год.

«Много лет прошло с того времени, как переехал...»

Много лет прошло с того времени, как переехал
и остался жить на улице без названия —
только номер дома, что для таксиста всегда помеха,
когда ночью привозит кого-нибудь со свиданья
и пытается выяснить — где этот номер дома,
по крайней мере — в какой стороне пейзажа,
как он выглядит?.. Не находя искомой
точки на карте, оставляет свою поклажу
в месте прибытия — дальше уже по звёздам,
по завитушкам знакомых собак и кошек,
что оставляют отметки, где только можно,
или по птичьим следам, по хлебным крошкам...
Место, где жизнь сложилась — ничуть не хуже
любого другого — деревья, река, дорога,
даже памятник Ленину в центре огромной лужи —
птицы его загадили понемногу,
но перед праздником чист и блестит извёсткой,
но не на долго — вода своё дело знает
и размывает устои довольно жёстко
и вместе с лужей медленно высыхает.
Место — не хуже любого другого места —
для проживания, а номер дома в награду...
и ничего, что название улицы неизвестно —
главное лес, река и дорога рядом.

август 7. 2015 год.

«Посажен в кресло для передвиженья...»

Посажен в кресло для передвиженья
по комнате, хотя бы. До сортира.
До зеркала, чтоб видеть отраженье
своё в пределах маленького мира,
под паутиной собственного страха —
что жизнь так быстро поместилась в кресло —
в обёртку на колёсах, как рубаха,
что еле-еле прикрывает сердце —
тем более хранит его – не долго —
отправят в стирку и, считай, без кожи —
болванчик – под стеклом – на книжной полке,
с опухшей от волненья толстой рожей,
с отвисшими до самых плеч ушами —
ни больше и ни меньше – опахало
и с тусклыми от долгих слёз глазами...
Гляжу в окно, накрывшись покрывалом —
хотя не холодно ещё – так по привычке.
Смотрю – куда сегодня дует ветер,
в какую сторону, чтоб позже на страничке
об этом наблюдении отметить —
пустяк, конечно – времяпровожденье —
ещё одна возможность не остаться
в пустой квартире только отраженьем,
или, от пыли – тусклой иллюстрацией
в своей же книге странных наблюдений —
за ветром и погодой. Облаками,
что добавляют новых впечатлений,
когда над головой висят, как камни.
Колёса медленно вытаптывают плоскость
квартирного пейзажа. Под ногами
немного воздуха – не пол уже, а возраст...
Ни женский пол уже перед глазами,
а только видимость – картинка над кроватью —
без рамки – бабочка – иглой к шершавой стенке,
чтоб помнить взгляд, движения, объятья...
оставшиеся только на побелке
цветным пятном. Как медленно проходят
такие дни! – в тележке для продуктов —
в бесплодных мыслях о былой свободе,
в воспоминаниях о радостных минутах.

август 8. 2015 год.

«Пробуждение – каждый раз возвращение к жизни ...»

Пробуждение – каждый раз возвращение к жизни —
маленьким птенчиком, растрёпанным желторотиком,
ещё не знающим – как всё это будет выглядеть —
так, как вчера, или по-новому – так, как сегодня?..
Каждое утро жизнь начинается с новой строчки.
Только деревья в окне не меняют листья
и покрывают асфальт расписным многоточьем —
на том же месте, как будто бы с местом слился
во веки вечные, как будто другой дороги —
ни рядом, ни дальше... Подушка горчит слезами
от воспоминаний, что ночью особенно строги —
в перечислении – тронешь её руками —
не досчитаешься дней, что остались в прошлом —
там – за чертой, досрочно прошедшей жизни...
Каждое утро думаешь о хорошем,
но постоянно лезут дурные мысли —
те, что к полудню уже обрастают «мясом» —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.